

Глава 5. Бедный малыш

По заведённому порядку в это время после командировки он уже должен был вернуться в компанию, тем более что никаких чрезвычайных происшествий не случилось, но Цзи Цинье вечно любил засиживаться на работе.

Были у него дела или нет, он неизменно просиживал в кабинете, неумоимо вникая во всё лично, чем то и дело навлекал на себя жалобы мелких начальников отделов.

Линь Фэн пробыл рядом с Цзи Цинье столько времени, что уже давно привык к подобному рабочему ритму, однако сейчас, стоило тому внезапно прерваться, как впору было почувствовать себя неуютно.

Он позвонил тете Сунь, предупредил, что сегодня придут гости, и наказал ей обязательно принести из супермаркета пару рыбин, а остальное докупить на своё усмотрение.

Сначала тетя Сунь решила, что ослышалась, и лишь после того, как Линь Фэн повторил дважды, торопливо согласилась.

Людей, которые хорошо знали вкусы и бытовые привычки Цзи Цинье, можно было пересчитать по пальцам, и в их число входили тетя Сунь и Линь Фэн.

Стоило лишь проявить немного внимания, и становилось очевидно, что разгадать определенные привычки Цзи Цинье труда не составит.

Цзи Цинье на дух не переносил рыбу. В будние дни, когда тетя Сунь приходила готовить, она ни за что не покупала рыбу или что-либо еще, от чего разило рыбным духом, даже если ожидалась какие-то редкие гости.

Поэтому, услышав указание купить рыбу, и Линь Фэн, и тетя Сунь пришли в изумление, решив, что им послышалось.

Звукоизоляция в квартире была превосходной, так что Ся Хуайянь, стоя в гостиной, совершенно не слышал шума за дверью.

Ни к делам компании, ни к личным проблемам Семья Ся он никогда не имел отношения.

Он вообще извечно держался в стороне от семейных забот.

Ся Хуайянь, по правде говоря, вовсе не рвался оставаться здесь, но под влиянием речей Линь Фэна напрочь позабыл, что именно собирался сказать.

Дверь отворилась и снова затворилась. Ся Хуайянь долго топтался на месте, не зная, как поступить, но в конце концов всё же решил опустить визитку в белый бумажный пакет с одеждой.

Он вовсе не тешил себя надеждой, что когда-нибудь, подобно старшему и младшему братьям, унаследует семейное дело, и не собирался вмешиваться в домашние дразги, если те случались. Когда же его невзначай делали мальчиком для битья, иносказательно отчитывая за чужие грехи, он пропускал всё мимо ушей, стараясь не принимать близко к сердцу.

Линь Фэн хоть и казался доброжелательным, в манере разговаривать неизменно проявлял изрядную долю властности.

Лежавший в бумажном пакете телефон издал сигнал о критически низком заряде батареи. Ся Хуайянь услышал его, слегка напрягся всем телом, но с места не сдвинулся.

Линь Фэн протянул ему визитную карточку:

— Просто позвоните мне по этому номеру.

Ся Хуайянь в растерянности принял её обеими руками, внимательно взгляделся в напечатанные данные, кивнул и поблагодарил.

Ся Хуайянь прислонился боком к спинке дивана, чувствуя, как в голове воцаряется звенящая пустота.

В пространстве, где было слышно, как падает игла, всегда неуютно. Наконец Ся Хуайянь почувствовал, что больше не в силах стоять, и перестал сдерживаться — опустился на край дивана.

Позади дивана тянулась огромная панорамная стена-окно, сквозь которую даже сидя можно было любоваться великолепным городским пейзажем.

Цзи Цинье неизвестно чем занимался наверху, в комнате на втором этаже, и всё никак не спускался.

Сегодня невесть почему на фоне привычного, въевшегося до оцепенения уныния накатила внезапная усталость, а стоило вспомнить лица домочадцев Семья Ся, как по коже побежали мурашки.

Сквозь панорамное стекло открывался необъятный простор неба, и докуда хватало глаз, не было видно ни единого облачка.

С прошлого вечера он даже не смел заглянуть в телефон — боялся увидеть очередные

сообщения от Ся Сичэн, требующие поторопиться.

Линь Фэн больше не собирался вмешиваться в их дела; ему ещё нужно было вернуться в офис. Дав последние распоряжения тете Сунь и прихватив пачку документов из кабинета Цзи Цинье, он собрался уходить.

Стоял ясный день, но лучи солнца, проникая в комнаты, вовсе не обжигали — умеренная температура дарила приятное расслабление.

Проходя через гостиную, Линь Фэн заметил, что Ся Хуайянь всё ещё стоит там, и напомнил:

— Господин Ся, присядьте, пожалуйста. Скоро придёт женщина, которая займется обедом, а когда вы поедите, если у вас будет время, генеральный директор Цзи с вами побеседует. Мне пора возвращаться в компанию, я пойду. Если что-то понадобится, можете связаться со мной, меня зовут Линь Фэн.

Перепадают карманные деньги — оставляй себе, нет — и ладно. С наступлением совершеннолетия он пытался зарабатывать самостоятельно, но деньги давались тяжело, и до сих пор ему удалось отложить лишь самую малость.

В глазах родных он был всего лишь внебрачным сыном, которого Ся Сичэн прижил на стороне, явившимся в Семья Ся лишь за тем, чтобы оттяпать часть наследства. Для самого же Ся Сичэн он оставался лишь ничтожным плодом связи с любовницей, недостойным и взгляда. Раньше, возможно, к нему и питали некое подобие привязанности, но теперь он вряд ли воспринимался ими как человек.

Потому в Семья Ся Ся Хуайянь всегда оставался невидимкой, а тот мерзкий младший братец вечно норовил залезть ему на голову, и никому до этого не было дела.

Никого не волновали его чувства — им было важно лишь то, насколько весело младшему сыну самоутвердиться за его счёт.

Поначалу Ся Хуайянь злился и пытался давать отпор, но со временем привык и ко всему охладел.

Он уяснил одну простую истину: пока он находится в Семья Ся, ему вечно придется заглядывать людям в рот, чтобы получить кусок хлеба. То, что они соизволили оплачивать его учебу, казалось пределом великодушия, и на большее рассчитывать не стоило.

Когда ему было лет семь или восемь, они с матерью ещё жили в том особняке в богатом районе, что принадлежал Ся Сичэн.

Мать наивно верила, что Ся Сичэн не спешит жениться лишь потому, что ещё не пришло время, и знать не ведала, что у него давно есть законная семья.

Тогда средства связи были развиты слабо, да и бизнес Семья Ся еще не достиг таких масштабов, так что во время ухаживаний Ся Сичэн в значительной мере скрывал свое истинное положение.

Мать была чересчур наивна и юна — не исполнилось и двадцати, как она забеременела и родила, искренне веря, что любима.

До того самого дня, когда обман вскрылся. Всё рухнуло, словно несбыточный сон, а у любого сна есть предел — наступает пробуждение.

Законная жена Ся Сичэн застала мать в постели с мужем. Разводиться Ся Сичэн и не думал, да и не стал бы.

Тогда мать ещё по-глупому надеялась, что Ся Сичэн одумается, но суровая реальность нанесла ей сокрушительный удар.

Какое-то время она была невменяема: приступы буйства, запой, маниакально-депрессивный психоз, вспышки агрессии, но постепенно она смогла выкарабкаться.

Мать увезла его в глушь, в деревню, и сказала:

— Если совершил ошибку однажды, не повторяй её во второй раз. Дальше будет только лучше, Янь-янь, мама совершила страшную оплошность, мама виновата перед тобой, ты сможешь простить маму?

Ся Хуайянь изо всех сил кивнул, и казалось, что все невзгоды остались позади навсегда.

Те два года, проведенные в деревне, были для Ся Хуайянь едва ли не самыми счастливыми.

Вот только за счастье и радость, судя по всему, всегда приходится платить.

В тот день, когда мать внезапно исчезла, перед ним появился Ся Сичэн.

— У моего сына стремительно развивается лейкоз, и твои гемопоэтические стволовые клетки подошли ему для трансплантации.

Хочешь снова увидеть мать — веди себя послушно и возвращайся со мной на лечение.

Вся радость при виде Ся Сичэн испарилась без следа.

Спасши Ся Паньсин, он больше никогда не видел мать — она словно растворилась не только в

его собственном мирке, но и во всем белом свете.

Он допытывался у Ся Сичэн, но результат, разумеется, был нулевым.

Тот требовал лишь одного: беспрекословного подчинения. Чтобы получить шанс вновь увидеть мать, ему приходилось покорно терпеть пребывание в Семья Ся.

Некоторое время назад, возвращаясь из класса танцев, Ся Хуайянь услышал, как прислуга перекидывается словечками с охранниками у ворот: те судачили, что в этом месяце у Семья Ся, похоже, не хватит денег даже на выплату жалованья.

Собеседники как раз обсуждали, не подать ли заявления об уходе заблаговременно — глядишь, удастся урвать хотя бы половину расчета.

Хотя Ся Хуайянь и донеслись эти обрывки чужих разговоров, он пропустил их мимо ушей, наивно полагая, что любые перипетии в Семья Ся по-прежнему не имеют к нему никакого отношения.

Пройдя через сад и парадную залу, он мельком заметил в гостиной погруженных в тягостное молчание членов семьи, но не придал этому никакого значения.

Получив свою привычную порцию незаслуженных упрёков, он благополучно скрылся в своей комнате.

Однако спокойная жизнь продлилась недолго, и Ся Сичэн вновь объявился на его пороге.

Столь искренний, заливающийся горькими слезами — таким Ся Хуайянь отца еще не видел:

— Хуайянь, сынок, папе требуется твоя помощь. Ты ведь поможешь отцу, правда?

Если бы твоя мама узнала, что ты, когда подрос, смог выручить папин бизнес, она тоже была бы счастлива. А когда всё уладится, я подыщу удобный момент и устрою вам встречу.

Речи звучали проникновенно, но, заметив полное равнодушие на прекрасном лице Ся Хуайянь, Ся Сичэн подбросил в огонь еще аргументов:

— Сам понимаешь, твоя тетя Сюй недолюбливает твою мать, да и у меня связаны руки — я не могу идти против жены наперекор. Сейчас критический момент, и если тетя Сюй узнает, что это ты выручил отца, она непременно обрадуется. А как только она подobreет, я ручаюсь, ты тотчас же увидишься с мамой, хорошо?

Хуайянь, ты же плоть и кровь твоего отца, ты должен понимать, что такое общие интересы.

Он бил наотмашь по больному, взывая к разуму.

Использовал мать как козырную карту, действуя наполовину угрозами, наполовину уговорами.

Ся Хуайянь прекрасно осознавал, что верить этому лжецу нельзя, но... а вдруг?

А вдруг в Семья Сичэн проснется совесть, и он наконец перестанет его обманывать?

Ему так хотелось повидать маму, узнать, как она поживает, не обижает ли её кто-нибудь снова.

По привычке опустив голову и разглядывая синяк на бедре — след от недавнего толчка Ся Паньсин, из-за которого он налетел на журнальный столик, — Ся Хуайянь тихо произнес:

— Я ничего не смыслю в бизнесе, вы ведь меня этому не учили. Старший и младший братья разбираются в делах куда лучше меня, почему вы пришли именно ко мне?

— Нет-нет, всё в порядке, — Ся Сичэн шагнул вперед и перехватил его руку. — Сравниться ли им с тобой? Хуайянь, ты — гордость нашего отца. Тебе нужно лишь просто поехать туда, а обо всем остальном я позабочусь. Стоит нам добиться расположения генерального директора Цзи, и считай, что половина дела сделана.

Ся Хуайянь поднял взгляд. Багровеющий закат наполовину заливал кабинет, и Ся Сичэн, стоявший к нему спиной, казалось, полностью погрузился лицом во мрак. Ся Хуайянь едва ли не позабыл истинные черты отцовского лица, но в тот миг различил в них лишь жадность и пустые иллюзии.

— А Чжилань она...

— Я понял.

Не желая слышать из уст Ся Сичэн имя матери, за которым неминуемо последовала бы новая порция шантажа, Ся Хуайянь оборвал его на полуслове:

— Я буду послушным. Сделаю всё, как вы велите, но гарантий давать не стану.

Он забормотал себе под нос, словно оправдываясь:

— Я совсем не разбираюсь в ваших коммерческих делах...

В тот день Ся Сичэн выказывал к нему невероятную благосклонность, и даже когда Ся Паньсин позволял себе оскорбления, отец тут же обрывал его.

Это казалось до тревожного странным, заставляя Ся Хуайянь в полусне гадать: неужели

отцовские чувства к нему настоящие, неужели тот действительно решил защитить его из родительской любви?

По сей день Ся Хуайянь так и не уразумел, почему Ся Сичэн так упорно добивался, чтобы именно он вел переговоры с Цзи Цинье.

— Пип-пип-пип...

Раздался звук отпираемого электронного замка, тяжелая дверь распахнулась, возвестив о приближающихся шагах.

Решив, что это Линь Фэн вернулся за забытой вещью, Ся Хуайянь оторвал взгляд от пола и, прервав уплывающие вдаль мысли, поспешно поднялся на ноги, но перед глазами мгновенно всё затянулось густой пеленой.

Сказалось и то, что глаза слишком долго были сфокусированы на уличных лучах, и общая физическая слабость.

В голове шумно закружилось, ноги подкосились, и в поисках опоры он инстинктивно вскинул руку, ухватившись за первое попавшееся.

Не успев толком разглядеть человека в прихожей, Ся Хуайянь услышал веселый женский голос:

— Ой, так хозяин и гость уже дома? Рыба сегодня наисвежайшая, вам её в соевом соусе потушить или приготовить на пару?

— Чего тебе хочется?

Услышав бесстрастный голос Цзи Цинье, донесшийся совсем рядом, Ся Хуайянь вскинул голову и обнаружил, что мужчина каким-то непостижимым образом уже стоит вплотную к нему.

А его собственная рука оказалась зажата в чуткой ладони собеседника.

Сообразив, что удержался на ногах лишь благодаря тому, что вцепился в чужую руку, Ся Хуайянь почувствовал, как у него отчетливо запылали кончики пальцев.

Он судорожно выдернул руку, спрятал её за спину и запинка произнес:

— Л-любое, мне всё по вкусу, не нужно спрашивать моего мнения.

Молодой человек с влажными, подрагивающими длинными ресницами бросил испуганный взгляд на собственные ладони, после чего поспешно опустил голову, пряча покрасневшие уши.

Цзи Цинье слегка приподнял веки, как раз запечатлев эту сцену. Медленно сжав ладонь в кулак и тут же разжав пальцы, он смущенно отвел взгляд от гостя.

Глуховатым голосом он бросил тете Сунь:

— Готовь оба варианта.

<http://bllate.org/book/22055/2293381>